

Мария Головановская

Знакомство
Частная
коллекция

Мария Голованивская

**Знакомство. Частная
коллекция (сборник)**

«Автор»

1991

Голованивская М. К.

Знакомство. Частная коллекция (сборник) /
М. К. Голованивская — «Автор», 1991

«Знакомство. Частная коллекция» – первая книга Марии Голованивской, вышедшая в далеком уже 1991 году. Это коллекция маленьких рассказов – от одной страницы до трех предложений, авторские зарисовки, складывающиеся в единую картину мировосприятия молодого человека, живущего в «эпоху перемен». В общей сложности – более ста зарисовок, выполненных в стилистике прозы новой волны.

© Голованивская М. К., 1991

© Автор, 1991

Содержание

Частная коллекция	5
Часть I	5
Часть II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Голованивская

Знакомство. Частная коллекция (сборник)

Частная коллекция

Часть I

И ты, подобно бабочке, слегка касаешься крылом то одного, то другого цветка, раздвигаешь заскорузлые шторы, долго ищешь открытую форточку и в конце концов вылетаешь на воздух и успокаиваешься, попав в одну из теплых загазованных струй. Потом так же долго пытаешься найти хоть какую-нибудь щель, чтобы протиснуться и увидеть нечто ранее невиданное... Каждый раз рискуешь, потому что неизвестно, удастся ли выбраться наружу. Хочется, чтобы глаз поглощал как можно больше разного, но при этом нужно умудриться сохранить бережность касания, легкое прикосновение эфемерного крылышка, а не набрасываться, брызгая слюной и обламывая себе ногти.

Самое вредное – это надолго сосредоточиваться на чем-нибудь. Становишься похожим на птицу с длинным клювом и крошечными глазами-бисеринками. Этот тонкий и длинный клюв очень удобен, чтобы им орудовать в расщелинах коры и доставать насекомых из их крошечных гнездышек. Что ж, это, наверное, очень азартное занятие. Азартный человек похож на крота. Это такой черно-коричневый зверек с длинными неуклюжими коготками.

До чего же много в природе всяких рассеянных тварей, медленно поворачивающих голову и моргающих через раз. Среди них – и змеи, и птицы, и огромные животные вроде жирафов и слонов. Среди них – хищники и великаны, ленивые, наблюдательные, вглядывающиеся, а не моргающие без толку.

Грубый человек не умеет доставить себе удовольствие. Все, что он предпринимает, никогда окончательно не удовлетворяет его. Грубый человек зол, раздражителен и несчастен.

– Я всегда готов помочь вам, – говорит внимательный доктор с черной бородкой.

– Да, да, помогите мне, – кивает дама в расползающейся вязаной кофте и в смешной, с огромным помпоном неказистой вязаной шапке, на которой поблескивают капельки дождя.

И вот ты видишь, как она разевает огромную пасть, хватая стакан с водой и готовится проглотить все прописанные ей таблетки.

– Вот вам четыре рецепта, – говорит доктор мягким голосом, – принимайте регулярно, по схеме, и, я уверен, это поможет вам.

* * *

Что может сравниться с красотой лимона, лежащего на тонком фарфоровом блюде? Что может быть прекрасней тонких, полупрозрачных его ломтиков? Что может быть изысканней лимона, с которого наполовину снята кожица, которая лежит здесь же, образуя божественную золотую спираль?

Весь мир любит лимон уже много веков подряд, и еще никто не сказал, что лимон – это некрасиво. Вот только вкус. Одним он ласкает нёбо, другим – нет. Хотя все согласны, что лимон кислый.

Стоит ли забывать, что безудержная, часто напрасно вспыхнувшая злоба быстро проходит, и от нее остается только зудящее чувство досады: а стоило ли так горячиться?! И все равно, каждый раз снова и снова. Мне показалось тогда, что лимон был самым красивым предметом в нашем доме, самым нежным, самым добрым, самым неагрессивным. Мы стали резать его маленьким зубчатым ножом, капли потекли по лезвию, потом побежали по руке и застыли где-то у локтя.

Раз и навсегда запомни, твержу я себе, нет смысла так раскошегариваться. Только идиоты так заводятся. А идиоты так часто бывают сентиментальны. Приторно сентиментальны. Так, что даже в горле пересыхает. Главное, чтобы идиот не начал рассказывать о себе: ничего так не боюсь, как глупых собеседников.

* * *

Бояться собак – глупо. Наша жизнь в наших руках. Каждый – сам кузнец своего счастья, и кует его огромным молотком, изо всей силы ударяя по наковальне. И что бы ни легло на эту наковальню – разлетится вдребезги, потому что кузнец знает, что кует, и ничто не сможет помешать ему.

Я должен был ухаживать за отцом. Он вот уже много лет жил самостоятельно в однокомнатной квартире неподалеку от меня. Это такой чистенький, подтянутый старичок, аккуратный в мелочах, и поэтому ему всегда было трудно ужиться с другими людьми, ведь они, как водится, нарушали царивший вокруг него порядок. Он много раз в жизни менял работу, был инженером на каком-то заводе, потом технологом, потом уже, перед самой пенсией, стал заведовать отделом кадров в никому не известной конторе. Мне он совершенно не нравился. Я уже увлекался театром, подумывал о собственной труппе, и вид и мысли имел соответственные.

И вот я сижу в прокуренном свитере в крошечной прихожей на каком-то сундуке, покрытом потертым покрывалом украинского происхождения, и жду врача. Отец заболел, ему плохо, и я должен за ним ухаживать. Он лежит в постели на двух подушках, покрыт одеялом, сверху которого лежит уютный клетчатый плед. Он спит. Разные мысли лезут в голову: как хорошо, что я не похож на него ни вообще, ни сейчас. Что еще нужно кузнецу, как не свободные руки? Главное, чтобы руки были свободны, все остальное приложится.

Попадая в этот подземный переход, невольно начинаешь оглядываться: страшно. Мало ли кто там идет за спиной. Переходы – это самое неуютное место во всем городе. Поднимаешь выше воротник, утыкаешься носом в шарф, пытаешься компенсировать отсутствие уюта в этом серо-желтом плиточном переходе.

Замечательно, когда день кончается так. Есть своя прелесть в преодолении этого перехода в последний раз. Выскакиваешь из него и радуешься, что сегодня ты туда больше уже не пойдешь. Только завтра утром. Кузнец – делу венец.

В столичном городе ты один в толпе, в провинциальном городе – ты один в пустыне. Темнеет рано, народу нет совсем, такси не поймать, кажется, что вот просто сгинешь сейчас и

никто тебя здесь не найдет, не откопает. Но потом, смирившись, что в провинциальных городах совсем нет движения, ты отправляешься пешком по гулким пустым улицам, постепенно приходишь в себя и превращаешься в эдакого столичного странника, преодолевающего великие просторы. Но тут-то и оказывается, что пришел, потому что провинциальные города очень маленькие, спешить некуда, и вообще путешествовать надо любить.

Разговоры – тоже своеобразная форма путешествий. Иногда приходится путешествовать в скафандре, иногда в противогазе, иногда на костылях. Нужно быть большим любителем путешествий, обладать крепким здоровьем, а главное – мужеством, чтобы отправиться в такое путешествие. Есть, конечно, возможность поступить так, как поступают беглецы, влюбленные и деловые люди: выбежать на проезжую часть, поймать таксомотор и укатить куда подальше. Но часто цена такого бегства может быть намного более высокой, чем это будет показано на счетчике.

Красивая женщина – истинное украшение мира. Часто и мужчина бывает украшением, хотя высказать это прямо в глаза – рискованно. Всякая вещь может служить украшением мира, если в ней нет ничего безобразного, хотя и это не всегда так – все зависит от вкуса потребителя мира. Бывает, что и полуувядший срезанный цветок вдруг на несколько дней расцветает в стакане с водой.

Я только хочу сказать, что бывает по-разному, и в этом свобода мира, который является нашей средой обитания.

Ну и отлично!

* * *

Эти огромные, как пресноводные рыбы, желто-зеленые огурцы, иногда с какими-то загадочными бурыми пятнами, так, кажется, и норовят разорвать стеклянные бока трехлитровой банки и выброситься на замусоренный капустными листьями и комьями грязи прилавок овощного магазина.

Когда, внимательно рассмотрев их, все-таки не обнаруживаешь ни глаз, ни жабр, ни плавников, закрадывается подозрение, что это не линь и не лещ, а обычный овощ-переросток, появление которого в банке с прозрачной желтоватой жидкостью является доказательством того, что и в природе есть безобразное, которое иногда способно привлечь человека.

Вот так и развивается в человеке неуверенность в себе. Всегда как-то невольно пасуешь перед тем, что не в состоянии съесть: перед большими животными, перед деревьями и скалами. Правда, все это рассуждение сразу же рушится, если вспомнить, что многие боятся пауков и тараканов. Но не на все следует обращать внимание. Любовь человека к самому себе должна победить страх, который он испытывает по отношению к окружающему миру. Так учат мудрецы, которым, вероятно, никогда не приходилось видеть подобных агрессивных, подсолненных овощей.

Подопри челюсть рукой, помотай головой, оботри крошки у рта, и давай – жми! Подумай и поступи правильно.

* * *

Лучше бы удалось деться куда-нибудь, пойти, например, в кино. Сидишь в кино и в ус не дуешь. А так нужно участвовать в разговоре, хотя и нет никакого желания.

– Я так редко приезжаю, а тебя нет. Не стыдно?

Еще два года назад мне ничего не стоило бы сказать, что стыдно, а сейчас неохота. Мысленно я иду по улице, подхожу к кинотеатру, протягиваю тетеньке полтинник и покупаю билет в кино.

– Неужели ты не понимаешь, что, помимо твоих желаний, есть еще неумолимое, как жизнь, «надо»? «Надо», понимаешь?

«Неумолимое, как рок», – мысленно поправляю я и говорю вслух: – Извините, я, правда, виноват и больше не буду...

Два строгих глаза смягчаются, в них появляется снисходительность.

– Ну, расскажи, как дела?

«Как дела, как дела», – мысленно повторяю я, вообще все отлично, но сейчас сидеть здесь и отвечать на эти вопросы нет никакого желания. И говорю вслух:

– Все в порядке, тетя, я очень стараюсь не огорчать моих родителей.

– Ну и умница, – говорит она и целует меня в лобик. После чего берет салфетку и вытирает губы. На салфетке остается жирный розовый след от помады, и тут-то я и начинаю понимать, что мой лоб выглядит, наверное, еще живописнее.

– Простите, – говорю я, – мне нужно выйти.

– Как?! Выйти из-за стола, не окончив обеда? – настораживается тетя. – Разве тебе не говорили?

– Говорили, говорили, – киваю я, – но, вот, видите, – и показываю на лоб, посередине которого красуется розовое кольцо.

– Ну и что, – говорит она, – сначала закончи обедать, а потом выйдешь из-за стола.

С тех пор я не люблю ни тетей, ни тетенок, ни теть.

* * *

Когда попадаешь в старый город летом, да еще и в солнечный день, чувствуешь себя персонажем из какого-нибудь итальянского фильма, действие которого разворачивается среди желтых камней трех-четырёхэтажных домов. Перебегаешь с одной стороны улицы на другую, ничуть не заботясь о машинах, потому что в старом городе совсем нет людей и почти нет машин. Жизнь сосредоточена не на улице, а внутри домов, и, когда начинаешь это понимать, сразу выпадаешь из кадра, потому что там, в фильме, если за столиком кафе и не сидит мафиози, то уж наверняка за углом дома происходит какой-нибудь важный разговор между художатым парнем в потрепанных штанах и его девушкой или приятелем.

Но как бы то ни было, счастлив тот, кто тянется к солнцу и не смотрит себе под ноги, не роняя при этом вниз трескающуюся и облезлую кожу.

А если тебе не хватает витаминов, посмотри вокруг, и ты увидишь, что их не хватает всем.

Здесь с шумом проносятся поезда, и эскалаторы перевозят вверх и вниз огромные толпы людей. Все стоит в затылок, и, чтобы как-то развлечься, смотришь ничего не видящими глазами на плывущий в противоположном направлении эскалатор, где люди так же стоят в затылок друг другу, но уже к тебе лицом. Когда наблюдаешь, главное – правильно выбрать место, хотя к метро это совершенно не относится. Многие предпочитают назначать встречу в центре зала, потому что в этом случае трудно ошибиться – середина всегда одна. Но если станция устроена так, что середина чем-либо занята, например, лестницей или эскалатором, то встречи назначаются у первых или последних вагонов, так что на любой станции метро легко обнаруживается маленькая толпа вечно поглядывающих на часы невротизированных граждан. Ведь немногие умеют ждать спокойно! Вот о чем мне рассказал мой дед: оказывается, если спелый лимон не сорвать с ветки, то он потом как бы впадает в детство, позеленеет, а затем, вновь пройдя "все ступени созревания, станет прекрасным желтолицым цитрусовым, некогда считавшимся экзотическим в наших краях. Правда, мой дед не был уверен в том, что говорил. Он сам мне сказал: «Я не знаю, так ли это, хотя, может быть, и в самом деле так».

Рассказанная история в корне противоречит представлениям диалектики о мире, но это не большая беда, поскольку сама диалектика тоже, вероятно, является не более чем прекрасной сказкой. Ничто не стоит на месте, и нельзя два раза войти в одну и ту же реку. А иначе будешь эдаким заиклившимся лимоном, который по воле забывчивого хозяина никак не может попасть на наш праздничный стол. Но каждый, кто позавидовал бы ему, очень рискует, потому что никогда нет гарантии, что ты из породы лимонов, а не, скажем, из породы яблок или груш, которые, если не сорвать, превращаются в кашу размазанную у подножья прекрасной яблоньки, радостно перебирающей корнями в ожидании обильного притока удобрений.

Никогда нельзя быть ни в чем уверенным, и поэтому не стоит спешить, оставь такие материи тем, кто в этом понимает больше, чем ты.

А сам – будь осторожен! – к этому призывает тебя весь человеческий опыт, который почему-то в этом пункте удивительно совпадает с мещанской моралью.

* * *

Убивай страсть, расти душу.

А так, тащиться брюхом по асфальту и отхлебывать из каждой лужи – разве это приятно? Единственное спасение – внезапный прилив энергии, называемый вторым дыханием, которое открывается вдруг, в тот самый момент, когда кажется, что силы совсем оставляют тебя.

В розовом воздухе барахтаются какие-то людишки, кто головой вверх, кто головой вниз, некоторые хватаются руками за верхушки деревьев и успевают на лету сорвать листик. «Забавно», – думаешь ты и начинаешь с еще большим удовольствием шаркать ногами.

Так прошаркивается месяц-другой, так проползают длинные дни, похожие на нескончаемый рулон ткани с однообразным рисунком. Мне всегда нравился бархат, потому что в нем есть какая-то глубина. Только когда он вытирается, а это всегда случается на самых прозаических местах, видишь: вышла ошибка. Еще мне очень нравились легкие, полупрозрачные ткани нежных тонов, но не тогда, когда сквозь них видно тело, а когда смотришь на просвет.

Гуляешь между толстых стволов деревьев, ощупываешь кору руками и чувствуешь, как растет душа и умирает страсть. Тихо, незаметно, как будто теплый летний воздух наполняет легкие, и ты, как огромный воздушный шар, висишь среди этих грубых древесных кож.

– Послушай, Джек, – говорит она, – я приехала к тебе издалека, а ты и не смотришь на меня. Вот она, твоя любовь!

– Я так любил тебя, милая, но все прошло, и я спокоен, как буйвол.

– Что ж, мой мальчик, дело твое. Кто убил в себе страсть – убил быка и родил буйвола. Будь счастлив, Джек!

* * *

Мягкий клетчатый человек, завернутый во что-то мягкое по самые уши, лежит на диване и прихлупывает носом.

За окном дождь, и снова началась эпидемия гриппа. Сухая и тонкая как жердь старуха скрипуче сморкается в белую проглаженную марлю и то и дело мажет нос кремом. Еще несколько дней назад в голове копошились какие-то мысли, но сегодня неведомая сила, именуемая эпидемией гриппа, перетасщила меня в совершенно иное измерение.

Здесь проживают лишь вечно влажные носовые платки, градусники, таблетки, шарфы, обветренные губы, красные с лихорадкой носы, вечно немытые волосы, растянутая одежда пижамно-халатного типа и нескончаемые чашки чая с обильным содержанием сахара и лимона. Вот привалился к стене синеглазый толстяк с красными щеками. Сразу видно, что он очень вспотел. Наверно, у него высокая температура.

– Когда я не в форме, я не хочу, чтобы меня видели, – говорит она и стремительно переводит разговор на другую тему.

– Ну, дорогая, ты же не майор пехоты, не милиционер, чтобы все время быть в форме. Ты – человек штатский и смотри на вещи соответственно.

– Как скажешь, дорогой. Встретимся через две недели.

И вот твой пароход отправляется в плавание, и вот твой парусник выходит в открытое море, напрягая паруса, сшитые из миллиона застиранных носовых платков.

Я очень люблю истории со счастливым концом. От них не остается ощущения потерянного времени. И, читая последнюю фразу, так приятно заложить руки за голову и с хрустом расправить затекшее от долгого лежания в одной и той же позе тело. Поэтому всегда хорошо иметь про запас пару книжек Джека Лондона, любовные романы Саган и еще что-нибудь из библиотеки приключений.

Какое чудное словосочетание – «Библиотека приключений»! От одних этих звуков начинается зуд во всем теле, и хочется поскорее приняться за чтение, а главное – иметь дома всю эту библиотеку и все эти приключения.

Тогда можно будет всякую эпидемию переплести и поставить на полку, будучи уверенным, что и финал не подкачает.

* * *

С тех пор как «Бог умер и остался человек», мы погрузились в царство полного субъективизма, и от субъекта зависит, темное это царство или светлое.

Мысли и люди наползают друг на друга, и уже часто невозможно отличить мысли от людей.

Когда прощаешься – не забывай улыбаться. В этом милом обычае кроется какая-то легкость простого расставания с не слишком дорогим для тебя человеком.

Но при том, что все критерии размыты и черное уже ничем не отличается от белого, как же на самом деле просто отличить одно от другого, – достаточно понюхать яблоко, насладиться цветом настоящего спелого апельсина, дотронуться рукой до гладкой, нежной шкурки котенка, и сразу станет ясно, что на свете существует множество прекрасных вещей, которые очевидным образом отличаются от вещей ужасных, тягостных, безвкусных, уродливых, бесконечно пустых, чрезвычайно перегруженных, от всякого суетного нагромождения и чепухи.

Не любить плохое так же просто, как и любить хорошее. Но сама любовь часто решает этот вопрос иначе.

Во всяком случае, стоит подумать, как быть, когда истина скрывается в каких-то неведомых глубинах, а ответ нужен тут же, немедленно.

Я в таких случаях пытаюсь найти того, кто задал вопрос, и просто укусить его за задницу.

* * *

Ни скрипка, ни виолончель, ни тем более фортепиано не вызвали во мне такого отклика, такой внутренней дрожи, как флейта.

Стоит мне только услышать где-нибудь хотя бы отдельный короткий звук, как сразу же возникает желание подойти поближе и найти ее глазами.

Я смотрю на свои руки. Кожа стала более грубой, как это и бывает зимой. Ногти покрыты белыми пятнышками. Когда-то мне нравились мои руки. Но сейчас я стою, смотрю на длинноволосого парня, поигрывающего на флейте, и понимаю, что хотя и все в порядке, все хорошо, я все же чувствую недовольство собой.

Это был прозрачный, почти безветренный и бесснежный год, когда хиппи стали увлекаться флейтой. Почти у каждого из джинсовой сумки торчал ее деревянный кончик. Иногда они разговаривали друг с другом, вертя флейту в руках, или просто стояли, постукивая ею по коленке.

Мне было как-то не по себе, хотя и очень нравилось все то, что происходило вокруг, и голые деревья, и морозный воздух, и запотевшие стекла киосков.

Лучше бы уж мне не нравилось все вокруг, это было бы приятнее, это была бы почти победа.

Хотя какой смысл катать в голове это пустое, ничего не значащее слово «победитель»?

* * *

Я ношу очень короткую стрижку, гладко бреюсь и хожу в джинсах и спортивных свитерах. Поэтому в мои тридцать пять я вполне тяну на двадцать три – двадцать пять. Когда мне было тринадцать лет, выяснилось, что я болен и срок моей жизни ограничен. Это морально убило меня. Я страшно скис. Лет пятнадцать я не мог прийти в себя, пил и гулял, хотя и сохранил свою привязанность к чтению. Подолгу болтался без работы, повисая на шее у моей бедной и без того измученной мамы. Я долго не мог разобраться с женами, то я их бросал, то они меня. В какой-то момент я остался совсем один, да еще и без копейки в кармане. Этот период тянулся около двух лет. Но потом, внезапно, я нашел хорошее место, о котором раньше и мечтать-то было нельзя. Постепенно у меня появились и кое-какие деньги, а то раньше и за женщиной не поухаживаешь. И вдруг однажды на дне рождения у моей старой знакомой я заметил, что ее младшая сестра, которой только исполнилось шестнадцать лет, проявляет ко мне интерес. Поначалу, честно сказать, я удивился. Но потом это увлекло меня. Теперь мы разговариваем часами по телефону. Когда я с ней куда-нибудь иду, я вижу, что она гордится тем, что смогла привлечь такого взрослого мужчину, как я. «Ты, конечно, староват для меня», – небрежно говорит она. А я думаю про себя, что девушка, за которой приударяешь, никогда не бывает слишком молоденькой. Я тоже стал брать ее с собой и вижу, как завистливо переглядываются мои друзья, ведь ни у кого из них нет такой шестнадцатилетней пассии. Она рассказывает мне о своих конфликтах с учителями, и я с полной серьезностью советую ей не портить отношения, потому что незачем их портить, если нет в этом необходимости. Мы, ей-богу, славная пара и посмотримся вместе просто великолепно!

* * *

Нужно ли тратить столько времени на описание глубокой, явно предназначенной для супа или, на худой конец, пельменей общепитовской тарелки, доверху наполненной серебряными и медными монетами вперемешку с бурыми хлопьями снега? Два красных пальца, бесстыдно показываясь из специально обрезанной шерстяной перчатки, быстро хватают твою монету, швыряют ее в только что упомянутую тарелку и достают тебе из лотка пирожок. Кушай, радость моя.

Попробуй достать жемчужину со дна моря, и ты увидишь, как это трудно. Видимо, по большому счету, все трудно, но к чему-то ты привык, а к чему-то нет. Самое трудное то, к чему нет никакой привычки. Каждый раз опускаешься на самое дно и кажется, что не хватит дыхания, чтобы вынырнуть обратно. Умудренные опытом и убеленные сединами утверждают, что человек привыкает ко всему, и дальше они начинают приводить такие примеры, о которых если вспомнить перед сном, то – можешь быть уверен! – тебя ожидает бессонная ночь. Но теперь я знаю точно: человек действительно ко всему привыкает.

Меня всегда шокировала мысль, что человек не видит своего внутреннего устройства. Ведь, если вдуматься, он по горло набит огромными, неуклюжими, пульсирующими органами, которые так мешают сосредоточиться, все время требуя внимания и уважения к своей работе. Никогда не чувствуешь, как по тебе переливаются литры жидкости, об этом, может быть, вспоминаешь только тогда, когда шумит в ушах, тогда на ум приходят морские приливы и отливы, огромные многометровые водопады, которые многие из нас так никогда и не увидят. Трудно, находясь в какой-нибудь глухомани, представить себе, что на земле существуют Нью-Йорк, Лондон, Афины, Париж, Неаполь. Среди этих лесов и этих бессмысленных просторов никакого воображения не хватит на то, чтобы представить себе насекомообразный готический собор, застывший в суете копошащихся людишек и поблескивающих авто.

География, мой друг, география...

Люби книжки и чтение и не бойся засорить себе глаза. Это стоит того, то стоит этого. И вообще, будь счастлив, мой маленький друг!

* * *

«Порок» отличается от «пророка» ровно одной буквой, и эти два слова образуют прекрасную точную рифму. Поэтому, когда обращаешься к высоким материям, нужно быть точным в мелочах.

Солнечный свет – опасная штука. Он сразу же обнаруживает многие изъяны: на вымытом окне становятся видны разводы и пятна, женщина выглядит на десять лет старше, чем ей бы хотелось, тут же становится видна пыль, которая лежит на книгах, полках, люстре, видно малейшее расхождение цвета или оттенка различных элементов костюма, которые при обычном освещении кажутся *bien assortis*. Вот такое коварство, которое часто способно серьезно расстроить человека.

Нужно обладать по-настоящему утонченным вкусом, чтобы уметь обставить свою квартиру. Грубый человек иногда готов отвалить кучу денег, закупить дорогих вещей, среди которых, кстати сказать, всегда закрадется какая-нибудь копеечная подделка. Но как бы ни старался человек грубого ума, как бы ни тратился, все равно его жилище будет походить на пыльный кабак или на мещанский притон тихого благополучия.

Человек утонченный умеет, пользуясь своей фантазией и существующими в избытке милыми, нестандартными вещами, создать в своем доме микроскопический, но гармоничный, отзывчивый, напоминающий самого хозяина мир.

Будь то вечно взбудораженный еврей-технар с жестковатой рыжей бородой и вращающимися глазами, или аккуратненький мещанин, или разочаровавшийся во всех мирских благах и обретший опору в Вечном гуманитарий, или писатель с черными ободками нестриженных ногтей, или просто вечно спешащий бодрячок – каждый имеет свой дом, похожий как две капли воды на него самого. Это общее место, банальность, трюизм.

«Разбитые чашки не склеивают», – говорят о некогда любивших друг друга и расставшихся людях.

Но иногда люди совсем не похожи на чашки, а напоминают скорее вилки, ложки, ножи, блюда, иногда даже кастрюли и сковородки. Но дело не в этом. Просто каждый в мире ищет подобия.

Кто знает, как лучше? Может быть, никто, а может быть, и кто-нибудь.

* * *

Я начал писать, чтобы не ссориться с женой. Женился я рано, мне еще не было двадцати. Моя жена – Томочка, тихая, сероглазая, тоненькая девочка, создавала уют и ровное, теплое настроение, в котором поначалу я чувствовал себя превосходно.

Я учился и занимался комсомольской работой. Безусловно, это тешило мое самолюбие, я заставлял других делать абсолютно ненужные, часто абсурдные вещи, делал их и сам, и это была для меня своего рода игра, в которой я всегда старался одержать верх. Провинившихся я карал по всей строгости закона и затем, встречая в коридоре пострадавшего, даже не поворачивал головы в его сторону. Как же я был доволен! Мама мне покупала один новый костюм в год, вечерами я сидел в читалке и писал конспекты. До чего же приятно возвращаться домой в десять вечера, исписав мелким, аккуратным почерком несколько десятков больших тетрадных листов! Томочка ласково прижималась ко мне и кормила ужином.

Наши клетчатые занавески на окнах, клетчатая скатерть, баночки со специями вдоль стены внушали полный покой и ощущение тихого счастья.

Томочка тоже училась, но в отличие от меня скорее хорошистка, сдавала сессии в основном на тройки. В целом мы были довольны друг другом. Но вдруг, совершенно неожиданно, по вечерам я стал чувствовать какую-то тревогу и раздражение. Может быть, я просто устал? Хотя если быть до конца искренним, то я немного приврал и начал я писать именно для того, чтобы придумать всю эту гадость. Впрочем, а почему, собственно, гадость?

Через несколько дней придет телефонный счет, там будет обозначена довольно большая сумма, и совершенно непонятно, почему нужно отдать столько денег черт знает за что, за эти литры словесной воды, которые не принесли никакого облегчения. Хотя в общем-то и не было никакой тяжести, просто хотелось поболтать.

Во втором классе он вместе со всеми произнес «обязуюсь горячо любить свою Родину, жить, учиться и работать, как завещал...», что не помешало ему через двадцать лет сесть в самолет и улететь сначала в Рим, а потом в Нью-Йорк.

Лежишь в постели, читаешь книгу, нежно перелистывая страницы, и краем глаза любовешься натюрмортом, стихийно расположившимся на ночном столике: стакан с водой, градусник, салфетки, пластинка с голубоватыми таблетками, яблоко.

Куда ужаснее сидеть в салоне какого-нибудь милого и гостеприимного дома, медленно, подробно разглядывать сидящую напротив очаровашку и совершенно не находить ответа на вопрос: нравится ли мне она? В самом деле, нравится ли? Неизвестно.

Существуют вещи, которые попадают в глаз случайно, ненавязчиво, а существуют такие хищные и наглые зрелища, как милашка или очаровашка, которые не оставляют никакой возможности отступить: сиди и думай, до чего же хороша!

«Будем как дети», – говорят нам хиппи. А как поступают дети? Когда они не знают чем заняться или просто находятся в затруднении, то начинают громко плакать, раскрыв как можно шире свой маленький пушистый ротик! Так что заплачь, и тебе станет легче.

* * *

Как только мы поженились, а было это прошлой осенью, я начал вести наступление. Я все время говорил ей о том, что люблю и чего не люблю, и при каждом удобном случае давал выход своему дурному настроению.

Она очень расстраивалась и старалась изо всех сил. Я заставлял ее улыбаться, когда ей этого совсем не хотелось, заставлял ее быть серьезной, когда ей было весело, заставлял быть более ласковой, чем она была на это способна от природы. Я вел себя как ограниченный узко-

любой самец, который все время требует, требует, и чего он требует и зачем – по сути дела, не ясно. Я все больше и больше вхожу во вкус, хотя мои победы меня не радуют, а скорее утомляют. А главное, что я делаю это абсолютно бессознательно.

* * *

В начале любых дел находятся слова. Эта мысль стара как мир, и мне нравится, что я повторяю то, что говорили уже многие другие. Я люблю слова, и пытаюсь в каждом деле найти следы слов, породивших его. Слова – часто причина, и в этом простом ритме причины и следствия клокочет грубая музыка каждого дня.

Бывают районы, в которых никогда не встречаются знаменитости, ни в прачечной, ни в магазине, нигде не встретишь никого, кроме серых бабулек и мужчин в трениках. Но есть и другие, где из подъезда выпархивает знаменитая фигуристка, в сберкассе важно заполняет расходный ордер ведущий ежедневной телепрограммы, да и просто на улице можно встретить кого угодно и потом долго спорить, «он это или не он».

Я стою и жду лифта в сумрачном парадном дома, где живут интеллигенты, и только они. Этот дом знают многие из тех, кто имеет отношение к науке. В лифте чаще всего едешь вместе с аскетичным потрепанным профессором, с неперменной пачкой книжек под мышкой. Верхняя пуговица пальто всегда болтается на одной нитке.

Уже в лифте начинаешь подозревать себя в том, что тебе скучно, потому что недостойн и непосвящен, хотя это есть последняя степень извращения человеческого сознания – подозревать себя.

У меня в папке исписанные листочки бумаги, которые прочтут и одобряют, и в следующий раз я буду уже с большим интересом разглядывать лысину попутчика в лифте.

Наступает момент, когда люди возвращаются домой, зажигается свет и наступает черед мусоропроводов. Они гремят на все лады, течет вода из кранов, кипят, попрыкивая, чайники.

Ты окружаешь себя тем, что создал сам, а если хочешь увидеть что-нибудь другое, нужно сдвинуться с места. Можно, конечно, но, ей-богу, неохота.

Я открыл глаза и понял: завтрак не состоится. Они опять ссорились. Этот хмырь появился у нас дома два года назад, он был на десять лет моложе мамы и занимался организацией эстрадных программ. Высокий, стройный, с карими глазами, вьющимися волосами, которые доходили ему до плеч.

Вот я слышу, как мама кричит: «Мало того, что ты живешь у меня в доме, так ты еще такое себе позволяешь!» И хлопает крышкой от масленки по кухонному столику. Он, не обращая внимания, намазывает себе бутерброд. «Женщина не должна об этом разговаривать!» – с самоуверенным видом заявляет он. «Да что ты вообще смыслишь в женщинах!» – не унимается мама. И так далее и тому подобное. Через полчаса я должен уходить. За полчаса они там не успеют разобраться. Так что завтрак не состоится. И вообще вставать – лень. Я и спал-то всего четыре часа, а эти и не заметили, что я вернулся в половине четвертого. Я ночевал у нее. Точнее, не ночевал, а пробыл с десяти вечера до трех ночи. Она преподает у нас географию, ей сорок лет, то есть она на двадцать два года старше меня, и я сох по ней уже с октября прошлого года. До чего же я доволен! Все получилось так замечательно! Она с такой радостью, с таким самозабвением отдалась мне, что я этого даже и не ожидал от нее. У нее был муж, но сейчас они расстались. Я видел его фотографию – придурок с заячьей губой. И слава богу, что расстались: я не знаю ни одного великого человека, у которого была бы заячья губа.

* * *

Человек должен чувствовать, что его любят. В потоках любви и ласки таять, как кусок сахара в стакане горячего чая, по возможности даже помешивая себя ложечкой. В этом путь к Гармонии. И ничего, что не все любят сладкий чай, обязательно найдутся настоящие ценители, которые, смакуя и трепеща, будут поглощать глоточек за глоточком.

Только люди, обладающие утонченным вкусом, разбираются в напитках. Они сумеют оценить и цвет, и запах, безошибочно определяют, соблюдены ли дозировки, в том ли сосуде подано. Они на пути к Гармонии. Никогда никого ни о чем не расспрашивай – это делают только дураки, далекие от понимания того, что такое Гармония. Умение не задавать лишних вопросов так же ценно, как и умение не отвечать на лишние вопросы, в этом кроется вкус жизни – искусно приготовленного второго, состоящего из куса индюшки с разнообразными гарнирами. Мы близки к цели. Осталась лишь одна перемена блюд. Многие любят жизнь за то, что она им дана.

Замечательная тарелка дымящегося супа, в котором столько всякой всячины, что при одном его виде и запахе слюна начинает капать изо рта. И только человек, лишенный вкуса, станет начинать обед с селедки, хотя многие утверждают, что это совсем неплохо. Им не следует верить, они и не слышали о том, что такое Гармония. Разные бывают истории. И разные люди их рассказывают. И для кого-то важнее сама история, а для кого-то, кто ее рассказал. Но как же быть нам, если ни то и ни другое не сравнится для нас с самим удовольствием слушать, пусть даже ни слова не понимая. Просто слушать и постукивать в такт ладонью по коленке, дрыгать ногой и ритмично вбирать голову в плечи.

* * *

Старые люди бывают очень редко довольны. Нечасто встретишь на улице старого человека, на лице которого была бы улыбка. Все они в чем-то разочарованы, и вообще все в их жизни не здорово.

Но если повезет, то иногда, в необычное время суток, можно все-таки увидеть старика или старушку, улыбающихся своим мыслям. Многие это объясняют тем, что все хорошее постепенно идет на убыль и впереди только всякий ужас. Отсюда следует, что когда по улице идет старый человек и улыбается, то он что-нибудь вспоминает. Искусство молодости – радоваться будущему, искусство старости – радоваться прошлому, и только те редкие люди, которые умеют радоваться, радуются настоящему.

Но старые люди редко радуются, потому что это вообще-то не так легко, и их этому никто не научил. Особенно редко, чтобы старый человек громко смеялся.

Путь от многозначительности к простоте проходит все, что может меняться. Хотя сама эволюция, говорят, происходила в обратном направлении: от простого к сложному. Но до чего же бывает проста эта простота, как часто она бывает убогой и даже неряшливой, как половая тряпка, или же педантично-аккуратной, выглаженной и выбритой, как кремлевский полк. О многозначительности можно было бы сказать еще хуже.

Но иногда как-то вспоминается, что нам нечего здесь делить, и, если вдуматься, всякое рассуждение есть глупость или эйфория, которая, по меткому выражению какого-то иностранца, «расползается по нашему обществу, как кривая ухмылка по лицу идиота».

* * *

Зачем ты гробишь свое здоровье? Ну скажи мне, зачем? Сколько раз я просила тебя, перестань курить, есть столько сладкого. Неужели тебе не противно, что, когда ты летом надеваешь футболку, все видят складку жира на твоём животе?

Я соглашаюсь, но когда вижу в булочной мармелад «Балтика» или соевые батончики, устоять не могу. Ведь это так заманчиво, вечером, натянув любимые треники и рубашку с потертыми локтями, выпить чашку чая с мармеладом или конфетой. И ты даже не представляешь, что своими проповедями губишь чуть ли не самое большое удовольствие дня.

Что же касается моего брюшка, то мне решительно все равно, что ты об этом думаешь. Мне вообще наплевать, какое я на тебя произвожу впечатление, пусть я хоть весь жиром заплыву. Ведь что-нибудь изменить все равно не получится. Ты же знаешь, так что терпи, дорогая, потому что, когда некуда деться, надо терпеть. Пока все.

* * *

Ты видишь голову, которая ходит вверх – вниз, вверх – вниз. Видимо, хозяин этой головы, обнаженный по пояс, делает приседания, держась руками за подоконник.

Бледная дама в сизом окне ровными, равнодушными движениями втирает крем в кожу лица, любуясь тем, как плавно, с некоторой осторожностью за окном падает снег.

От подъезда, порывивая, отъезжает «скорая помощь», в салоне которой находится промучившийся всю ночь человек с серым лицом. Поскольку еще очень рано, то, кроме счастливых обладателей собак, вынужденных подниматься на час раньше и выскакивать в потрескивающий от мороза воздух, больше никого не встретишь. Встречи с знакомым человеком в такое время суток практически исключены.

Он не оценил ее. Ему не нравилось, что она носит чулки, а не колготки, он бросил в нее чашкой с бульоном, бульон угодил в цель, и они расстались. Так-то. Но до этого они провели несколько бурных месяцев, за которые успели рассказать друг другу всю свою жизнь в мельчайших подробностях. Не могу сказать точно, кто от этих рассказов получал большее удовольствие, тот, кто рассказывал, или тот, кто слушал, – ведь бывает по-разному.

Она не спит и тоскует. Он крепко спит, потому что провел ночь с другой и недавно заснул. Я тоже недавно уснул и, прижимая к груди подушку, досматриваю душещипательный сон, в котором я жарко обнимаю тебя, одетую в красное платье, на фоне переливающегося всеми цветами огромного супермаркета.

* * *

Любить надо уметь. Никто среди людей так не искушен в теории любви, как поэты. Они познали все: и радость встречи, и пресыщение страстью, и горечь разлук. Поэтому именно поэтам часто пишут письма разные девушки и женщины, откровенно излагая свои проблемы и советуясь. И в этом есть своя логика. Хотя вид у поэтов часто такой непривлекательный, что трудно поверить в то, что все, о чем они пишут, было ими пережито в действительности. Но поэтов и вправду часто любят женщины, и часто очень красивые женщины любят очень непривлекательных внешне поэтов. Ну а если в каком-либо случае это не так, то мир воображения, который, как известно, куда богаче мира реального, заменяет им все и дает познание сути любовного переживания.

Язык – самая прекрасная игрушка в мире. Ему можно придать любую форму, он отличается несравненным богатством красок, при помощи него можно показывать различные фокусы, выдвигая то один, то другой ящичек этого бесчисленного каталога.

Какая-то бабулька долго терла ногой круглое пятнышко на асфальте, полагая, что это монетка. Но потом она поняла, что это кто-то случайно капнул белой или желтой краской, и пошла прочь. Когда колешь грецкие орехи, всегда хочется ударить молотком так, чтобы не повредить содержимое и вынуть целиком неприкосновенный, с желтым отливом крошечный слепок человеческого мозга. За этим занятием можно провести множество времени, и только те, кто знают секрет, могут справиться с этой сложной задачей.

Временами наступает отчаянье и хочется швырнуть молотком об пол. Многие, вероятно, так и делают, потому что очень редкие люди могут справиться с собой в минуты стресса. Хотя все воспитание именно на это и направлено. Родители стараются до тех пор, пока бесконечный поток неудач не сломит их волю. Но бывают и совсем другие, послушные, умные, рассудительные дети, и вообще чего только не увидишь на этом, замусоренном разными суждениями, карликовом острове, со всех сторон омываемом морями и терзаемом зловещими ураганами.

Часть II

Изволь показать, что ты понимаешь всю сложность проблемы. Скажи: извините, мне нужно подумать, и сделай вид, что задумался. Потом минуты через две-три скажи: это очень сложный вопрос. Понять сложность проблемы. – это уже полдела, если человек понимает сложность, или, точнее, всю сложность проблемы, то он не дурак. Именно это и следует доказывать. Но абсолютно необходимо дать почувствовать, что у тебя где-то там внутри, за душой – богатый внутренний мир, поэтому не забудь покраснеть, потупить глаза и на один из вопросов ответить молчанием. Кто-нибудь потом обязательно скажет: это умный, глубокий человек. Но этого недостаточно.

Сейчас все больше и больше ценится тонкость вкуса. Так сказать, изысканный склад ума. Поэтому следует несколько раз подвергнуть сомнению собственные высказывания, говорить неопределенно, перемежая слова загадочной полуулыбкой.

Если перед тобой человек достойный – будь уверен, дело выиграно.

Теперь каждая школьница твердит, что гомосексуализм – это прекрасно.

При малейшей попытке к бегству – стреляю!

Поэтому совершенствуйся не сходя с места, играй в бадминтон или настольный теннис, волан вернется к тебе, если противник отбил, и останется там, по ту сторону сетки, если он дал маху. Не сходи с места, и ты обретишь уверенность. И я почти не сомневаюсь в том, что, когда уже все застынет, все остановится, явится тебе наконец квадрат голубого неба посреди желтой канцелярской стены.

* * *

Как часто мы судим о вещах по их внешнему виду и как часто мы оказываемся правы!

На рынке каждый норовит покрасивей разложить свой товар, до блеска отполировать яблоки и помидоры, смочить водой редиску и огурцы, окропить зелень, чтобы от всего веяло свежестью, чтобы все казалось только что срезанным, сорванным, собранным.

Крепкие мужички, одутловатые бабульки, могутные женщины средних лет – все без исключения превращаются в цветущих молодых мамаш, всячески ласкающих, умывающих, прихорашивающих своих питомцев.

Ленивое, белое, сонное утро раздвигает шторы, и в комнату бочком-бочком вливается такой же белый, хмурый и сонный день. В такие дни не хочется сопротивляться и громко разговаривать, не хочется быть «учителем жизни» и «властелином птиц и рыб», а хочется доползти, рухнуть и насладиться постельной прохладой или постельным теплом в зависимости от того, какое время года расположилось в оконной раме.

Вычурность – парадокс формы, парадокс – маленькое глазастое существо, вожаденно закусившее нижнюю губу.

Самое замечательное Слово на свете – «прогулка», самое скучное слово на свете – «хорошее», самое веселое слово на свете – «дятел», самое неудобное слово на свете – «сковорода», потому что человеку с явными признаками вырождения на лице никогда не поставить его во множественное число.

И неважно, приятное у тебя лицо или нет, какой у тебя характер, труслив ты или отважен. Все это совершенно неважно! Бог водит рукой твоей, и выбор его случаен.

Город окунается в сумерки, в окнах зажигается свет, и поэтому, особенно весной и летом, а также ранней осенью, создается на улицах некоторое подобие уюта. В переулках гуляют манящие ароматы, доносятся из открытых окон обрывки темпераментного диалога из идущего в это время очередного телесериала, по пустым улицам не спеша продвигаются в поисках друг друга бродячие коты и поэты – в общем самая что ни на есть благодушная, немного баюкающая картина угасания жизни. Еще два-три часа, и почти все займут горизонтальное положение и пробудут так до утра.

Ты будешь носить свою рожу до самой смерти, да к тому же со временем она будет только меняться к худшему. Хорошо, если рожа – ничего, а если нет?!

В общем, наплюй, потому что все равно, а если все равно – то какая разница, а если нет разницы, то и мыльный пузырь – полезная в хозяйстве вещь, потому что надолго не занимает места!

* * *

Они мне сказали: «Пойдем, мол, кофейку выпьем, посидим». Они почему-то оба ушли на кухню, хотя с кофе мог бы справиться и кто-нибудь один. Что-то там не заладилось – это ясно.

Я сижу в кресле и жду. Я понимаю, что надо бы потихоньку смыться, но неудобно как-то. Мне, наконец, удалось нащупать в кармане использованный троллейбусный билет, который через несколько минут превратится в моих пальцах в продолговатую твердую трубочку.

Когда-то было время – были дела. Зеленая трава, нежно-голубое небо, желтое солнце. В воздухе копошились насекомые, порхали бабочки, жужжали жуки, повсюду на ветвях сидели птицы и переговаривались.

Я сижу и жду. Листаю старый журнал, в котором от каждой фотографии веет чистотой, аккуратностью, хорошим вкусом, европейским чувством меры, призывающим к тому, что лишнего тратить не надо.

Реклама духов. Девушка с жемчужными зубами, умело улыбаясь, держит в руках огромный флакон с надписью. Тарелка, наполненная дымящейся снедью, рядом с которой лежат сырые неочищенные овощи, из которых приготовлена эта вкуснятина. Реклама белья. Женского. Мужского. Детских вещей. На фоне лазурного моря целующаяся парочка, рядом с которой возвышается гигантский запотевший стакан, наполненный каким-то золотистым зельем. В кружочке надпись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.